

barbara cartland

*Pure
and
Untouched*

барбара картленд

Матинство
любви

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Barbara Cartland
PURE AND UNTOUCHED
Copyright © Cartland Promotions 1981

Перевод с английского К. Молькова
Художественное оформление А. Дурасова

Картленд, Барбара.
К27 Таинство любви / Барбара Картленд ; [пер. с англ.
К. Молькова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-099293-5

Герцог Равенсток, самый завидный холостяк Лондона, неожиданно объявляет о своей женитьбе на одной из столичных дебютанток. Предстоящая свадьба должна стать поистине громким событием, но накануне герцог выясняет, что у его невесты есть любовник. Уязвленный Равенсток отправляется во Францию и просит свою сестру-монахиню подыскать ему по-настоящему непорочную девушку. Она знакомит его с Анной, послушницей, чье прошлое — загадка, а ее красота и чистота таят в себе опасную тайну...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099293-5

© Мольков К., перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Примечание автора

Царь Николай I (1825—1855) является, несомненно, одним из самых известных русских правителей. Он был сильным политиком, много работал на благо империи, но были у него и деспотичные черты: он стремился контролировать все сферы жизни своих подданных и часто совершал неоднозначные поступки. Когда в Санкт-Петербурге слышался звон пожарных колоколов, царь мог выйти из дворца, чтобы лично командовать пожарными. Или, например, за небольшую провинность сослать человека воевать с горцами на Кавказ. Так он поступил с князем Юсуповым — матери князя не понравилась девушка, в которую влюбился ее сын.

А узнав о том, что с дочерью одного из придворных плохо обращается ее муж, царь не только объявил их брак недействительным, но и со-

Барбара Хартленд

творил маленькое чудо, собственноручно начертал высочайшую резолюцию: «Впредь считать сию юную персону девственницей».

Вездесущая тайная полиция Николая I — знаменитое Третье отделение — заставляла простой народ трепетать перед своей властью. Страна боялась, но уважала царя, и чувства эти не рассеялись даже после его смерти.

Глава первая

Дверь библиотеки отворилась. Мистер Мэтьюс, личный секретарь и бухгалтер герцога Равенстока, неслышно пересек комнату и подошел к своему хозяину, сидевшему за столом возле окна.

Секретарь застыл в ожидании. Спустя несколько секунд герцог заметил его, поднял голову и поинтересовался недовольным тоном:

— Что вам нужно, Мэтьюс?

— Я подумал, что должен сообщить вашей светлости о подарке, который только что доставили из поместья Мальборо от принца и принцессы Уэльских.

Лицо герцога сразу оживилось.

— Что за подарок?

— Ваза с розами, ваша светлость.

— Еще одна? — моментально поскуучнел герцог.

Барбара Хартленд

— На этот раз очень красивая ваза, ваша светлость. Старинная, серебряная, эпохи короля Георга.

— Это значит, что я должен лично написать в ответ благодарственное письмо?

— Боюсь, что так, ваша светлость.

— Хорошо, набросай мне черновик, да покороче. Я не собираюсь тратить свой медовый месяц на то, чтобы писать письма.

— Позвольте выразить уверенность, что особы, ожидающие от вас изъявлений благодарности, прекрасно поймут причину вашей краткости.

Герцог улыбнулся, и от улыбки его обаятельное лицо смягчилось, стало очень приятным, и мистер Мэтьюс подумал о том, как легко понять многочисленных поклонниц, находивших его хозяина неотразимым. Высокий, широкоплечий, одаренный удивительной красотой, он был не только самым привлекательным, но и самым беспутным мужчиной во всем Лондоне.

Слухи о проделках герцога попадали на страницы бульварных газет, распространялись по городу: от аристократических салонов в районе Мейфэр до тесных гостиных на окраинах. Более того, истории о его любовных похождениях дошли даже до Виндзорского дворца и изрядно огорчили королеву.

Но было совершенно очевидно, что такая слава искренне забавляет герцога, а до критических выпадов в свой адрес ему нет никакого дела.

С присущим ему чувством юмора он обыграл свою неоднозначную репутацию с помощью эффектной выдумки. С давних пор друзья называли его Вороном — вот он и приказал покрасить в черный цвет свои экипажи, а жокеев одел в темные одежды.

После этого на всех скачках, в которых участвовали лошади герцога — неизменно в числе фаворитов, — стали раздаваться дружные крики зрителей: «Черный Ворон! Черный Ворон! Черный Во-рон!»

Да, разумеется, герцог слыл обольстителем женщин, однако справедливости ради стоит заметить, что они, как правило, сами сгорали от желания быть обольщенными им.

Но никогда не встречал он женщины, которая бы царила в его сердце одиночно. И когда все, кому был дорог герцог, уже оставили надежду на то, что он когда-нибудь остепенится и женится, случилось невероятное: Ворон без памяти влюбился.

Наиболее вероятные кандидатки в жены герцога были сплошь вдовами — все полагали, что

Барбара Хартленд

в тридцать четыре года его никак не сможет заинтересовать какая-нибудь юная девочка — хотя бы по той простой причине, что он до сих пор никогда не имел с ними дела.

На протяжении многих лет те, кто продолжал верить в женитьбу герцога, считали, что его избранницей должна стать одна из немногих красавиц, принадлежащих к узкому кругу высшей аристократии, к которому принадлежал и он сам.

Однако герцог не делил женщин на дам и простолюдинок, его внимания могла удостоиться любая красавица — и актриса, и графиня, и фрейлина королевы. Его не пугали сложности, а их не пугала перспектива быть отвергнутыми. Все знали, что Ворон непостоянен, но со своими любовницами он обходился неизменно вежливо и учтиво, ни одна из них не чувствовала себя покинутой, когда роману приходил неизбежный конец. И только высоко нравственная королева всегда недовольно морщилась, услышав об очередной интрижке с участием Ворона.

Однако это совершенно не мешало герцогу безмятежно плыть по жизни, чувствуя себя слегка уставшим от слишком легко сдающихся перед ним женщин. Тех же из них, которые всеми

силами сами добивались его, он невольно делал ужасно несчастными.

«Мне нравится сам процесс охоты за женщинами», — не раз повторял он самому себе, хотя при этом слегка лукавил, потому что трудно было найти женщину, способную устоять перед его дьявольским обаянием.

Как правило, герцогу достаточно было просто окинуть женщину вопросительным взглядом своих красивых глаз, и она уже была готова броситься ему на шею, не успев назвать даже своего имени.

Герцог был не единственным лондонским повесой того времени. Его друг, принц Уэльский, крутил роман с красавицей Лили Лэнгтри, но не упускал возможности поухаживать и за очаровательной леди Брук. Но и ему было далеко до того успеха, которым пользовался у противоположного пола Ворон.

— Черт побери, Равенсток! — воскликнул однажды принц Уэльский. — Есть в вас что-то такое, чего нет во мне самом. Не пойму только, что именно?

— Нахальство, сэр, — ответил герцог, и принц расхохотался.

— Пожалуй, именно так! — согласился принц, давясь смехом.

Барбара Хартленд

Но как бы то ни было, а любовные романы герцога становились все скоротечнее, отношение к женщинам — все более циничным, и те, кому герцог действительно был дорог, все чаще задумывались над тем, куда же его заведет такая жизнь.

Ответ на их вопрос явился в образе леди Клеодель Вик.

Герцог встретился с ней совершенно случайно, во время одного из приемов в Уорвикском замке принца Уэльского, который располагался неподалеку от замка, принадлежавшего графу Седжвику.

Граф, графиня и их дочь, леди Клеодель, были в числе приглашенных к ужину гостей, и герцог, оказавшийся за столом рядом с девятнадцатилетней красавицей, был очарован — такого чувства он не испытывал уже много лет.

Семейный траур не позволил леди Клеодель появиться в высшем свете со всеми остальными восемнадцатилетними дебютантками, которых представили ко двору в апреле, когда в Лондоне начался так называемый Летний сезон. Поэтому девушка оказалась незнакома с большинством гостей.

Герцог знал, что наверняка заметил бы эту золотоволосую голубоглазую фею в толпе, запол-

нившей Тронный зал во время бала в Букингемском дворце, и, конечно, запомнил бы ее.

Глядя на нее сейчас, в мерцающем свете горящего серебряного канделябра, он думал о том, что эта девушка не просто хороша — она невероятно красива.

Волосы леди Клеодель отливали золотом, а голубые глаза смотрели из-под удивительно темных и длинных ресниц.

Когда герцог выразил восхищение ее ресницами, она объяснила ему, что унаследовала их от одного из своих ирландских предков.

Говорила леди Клеодель тихо, слегка растягивая гласные — этот голос мог бы показаться герцогу на редкость обольстительным, если бы он не знал, сколь чиста и юна эта девушка.

Герцог беседовал с леди Клеодель на протяжении всего ужина, чем привел в настоящее бешенство леди, сидевшую по другую его руку. А после ужина, когда джентльмены, оставшиеся за столом, выкурили по сигаре и вновь присоединились к дамам, ожидавшим их в гостиной, он сразу же направился к леди Клеодель и спросил, может ли он завтра навестить ее.

Как правило, женщины с восторгом откликнулись на такое предложение, но юная красавица повела себя по-другому.

Барбара Хартленд

Вместо этого она ответила:

— Я должна спросить у мамы, будем ли мы завтра дома. Мы часто выезжаем с визитами, хотя и живем за городом.

Герцог заручился приглашением матушки леди Клеодель, после чего возвратился в Лондон. Начав посещать поместье Седжвик, он, к своему удивлению, обнаружил, что увидеться с леди Клеодель не так легко, как можно было предположить.

Несколько раз случалось так, что ее вовсе не оказывалось в Седжвике, несмотря на то что она знала о предстоящем визите герцога.

Сложности возникали и во время каждого бала — леди Клеодель была, что называется, нарасхват. Однажды герцогу за целый вечер не удалось обмолвиться с ней и парой слов, потому что желающие потанцевать с юной красавицей каждый раз опережали его.

Не прошло и двух недель, как герцог сделал своей неуловимой фее предложение руки и сердца и был счастлив, когда она приняла его.

Поцеловать женщину? О, это никогда не было проблемой для герцога. Они, как правило, сами дарили ему поцелуи, даже когда он не просил их об этом. Но леди Клеодель была не такой. Она не то чтобы отказывала ему, но всячески

старалась избегать ситуаций, когда они могли бы остаться наедине.

Герцог же, напротив, искал любую возможность побыть вдвоем с невестой, но даже когда момент выдавался, девушка продолжала держать его на расстоянии вытянутой руки.

— Нет, нет, ты не должен прикасаться ко мне, — вскрикивала она всякий раз, когда герцог пытался обнять ее. — Ты же знаешь, маме очень не понравится, если она узнает об этом.

— Да откуда же она узнает? — спрашивал герцог.

— Узнает, если заметит, что волосы у меня растрепались, а губы припухли от поцелуев. Узнает и рассердится.

— Но я хочу поцеловать тебя, — настаивал он.

— Я тоже этого хочу, — мягко отвечала Клеодель, глядя на герцога снизу вверх и моргая своими чудесными ресницами. — Но мама будет против и не позволит нам впредь видеться наедине.

Все это было для герцога в диковинку, но он терпел свое новое положение, хотя мысленно не раз смеялся над самим собой, когда вместо соблазнительных губ Клеодель целовал скрепя сердце ее тонкие розовые пальчики.